



УДК 94(100)«1917/19»
ББК 63.3(2)534-6

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.Ю. Павлов

В начале Первой мировой войны Россия и Франция попытались воплотить в жизнь совместный стратегический план, составленный после подписания двумя сторонами военной конвенции. Однако вследствие общего характера имевшегося плана, а также того, что ситуация развивалась не так, как предполагалось, довольно скоро возникла необходимость этот план радикально пересмотреть.

Ключевые слова: война, стратегия, Антанты, союз.

Россия и Франция вступили в войну, имея долгую, уже достаточно богатую историю взаимоотношений в военной сфере. Как известно, франко-русская военная конвенция, заключенная в 1892 г. и утвержденная в 1893 г., определяла взаимные обязательства лишь в общих чертах. Как говорится в этом документе, Россия обязалась оказать Франции помощь в случае нападения на нее Германии или Италии, поддержанной Германией, а Франция в свою очередь приняла на себя аналогичные обязательства в случае нападения на Россию Германии или Австро-Венгрии, поддержанной Германией. В случае начала мобилизации в странах Тройственного союза Россия и Франция также немедленно должны были начать мобилизацию, выставив 1 млн 300 тыс. (Франция) и 700–800 тыс. (Россия) чел. [11, с. 281]. Конкретные сроки и планы действий еще предстояло согласовать, для чего конвенция предусматривала проведение регулярных консультаций генеральных штабов армий двух государств.

Для Франции наибольшее значение имели именно эти совещания начальников Генеральных штабов сухопутных сил, что особо подчеркнул Президент Франции Р. Пуанкаре в своем личном послании по поводу назначения Т. Делькассе новым послом в России [5, с. 349]. Консультации военных представите-

лей союзных держав проводились регулярно, всего же начальники Генеральных штабов встречались друг с другом девять раз. Обычно инициатором встреч выступала французская сторона, и, как отмечали российские исследователи, французы занимали на подобных совещаниях лидирующее положение. Генерал Ю.Н. Данилов, бывший в начале войны генерал-квартирмейстером штаба Верховного Главнокомандующего, уже после войны высказался по этому поводу достаточно категорично: «В сущности на совещаниях дело сводилось почти к тому, что Франция предъявляла свои пожелания, Россия же выясняла степень возможности и способы их удовлетворения» [2, с. 76]. Действительно, инициатором встреч обычно была французская сторона, и обсуждались на них, прежде всего, вопросы, связанные с планами развертывания и действий русской армии. Что же касается Франции, то французская сторона, конечно, сообщала русским коллегам о своих планах, но совместному обсуждению они не подвергались. Согласно конвенции 1892 г. Россия обязалась помочь Франции в случае нападения Германии, но события Русско-японской войны показали, что в определенных условиях Россия не сможет эти обязательства выполнить, и на возобновившихся с 1906 г. встречах начальников Генеральных штабов французские представители стремились получить от российских коллег конкретные обещания.

Французскому Генеральному штабу на предвоенных совещаниях с русскими коллегами требовалось убедить их в необходимости в случае начала войны как можно быстрее направить наибольшее количество войск против Германии. России приходилось учитывать пожелания союзников, поражение в войне с Японией продемонстрировало, что без Франции Россия вряд ли справится в одиночку с державами Тройственного союза. Были и другие причины – именно Франция являлась основным внешним кредитором Российской империи. Помимо прочих средств перед войной французское правительство выделяло значительные суммы на развитие российских железных дорог для ускорения мобилизации и переброски войск к границам в случае войны.

Особое значение для формирования стратегических планов первого этапа войны имели последние три предвоенных совещания в 1911, 1912 и 1913 гг., проходившие в Красном Селе (1911 и 1913 гг.) и Париже (1912 г.). Рассмотрим некоторые наиболее важные аспекты планов, зафиксированные в протоколах этих совещаний.

Протоколы всех трех совещаний имеют идентичные части, в которых зафиксированы общие взгляды обеих сторон на то, как будут развиваться действия в случае начала войны. В первой статье говорится о том, что при любых обстоятельствах главная задача армий обеих держав состоит в нанесении поражения именно германской армии, причем, как гласит введение к каждому протоколу, поражение это должно быть нанесено посредством скорейшего перехода союзных армий в наступление [5, с. 695–716]. Обе стороны строили планы на основе убежденности в том, что Германия направит свои основные силы против Франции, оставив против России лишь 5–6 корпусов для прикрытия границы.

Первостепенное значение для французской стороны имел срок начала наступления русской армии. Согласно протоколу совещания 1911 г. начальник Генерального штаба России генерал Я.Г. Жилинский обещал, что русские армии начнут наступление на 18-й день с начала мобилизации, то есть не дожидаясь ее окончания [там же]. Маршал Жоффр в своих воспоминаниях пишет о том, что

генерал Жилинский в 1911 г. обещал начальнику французского Генерального штаба генералу Дюбайлю начать наступление уже на 16-й день [13, р. 129]. Впрочем, сам Ж. Жоффр в этом совещании участия не принимал, а впоследствии русское командование сделало все возможное для того, чтобы сократить и этот срок. На последнем перед войной совещании в Париже в 1913 г. генерал Жилинский сообщил самому генералу Жоффру о планах начать наступление на 15-й день, обещая сократить и этот срок на два дня к концу 1914 года. И если изначально в военной конвенции численность русских сил определялась в 700–800 тыс. чел., то в 1913 г. начальник русского Генерального штаба говорил о том, что Россия готова выставить *не менее* 800 тыс. [5, с. 715].

Был и еще один вопрос, не менее важный, чем сроки наступления, а именно направление главного удара русских войск в начале будущей войны. Французское командование очень беспокоило возможность направления основных русских сил не против Германии, а против Австро-Венгрии, и, как будет сказано далее, причины для беспокойства действительно существовали. Французская сторона имела свое представление о том, как должны действовать русские армии. Согласно воспоминаниям генерала (позже – маршала) Жоффра, французское командование ожидало, что в начале войны Россия выставит против Германии 8–9 корпусов, а против Австро-Венгрии направит лишь 7. Рассматривались два альтернативных направления наступления направленных против Германии русских сил: Восточная Пруссия и Берлин [13, р. 133]. Что же касается юго-западного направления, то генерал Жоффр оценивал его как второстепенное. Понимая, что Россия должна сразу же начать наступление и против Австро-Венгрии, он объяснял необходимость этого непригодностью местности на юго-западном направлении к обороне, а целью наступления считал лишь нейтрализацию готовившегося в Галиции австрийского наступления [ibid., р. 130].

До 1912 г. на русско-французских совещаниях речь шла лишь о том, что русские армии, развернутые против Германии, с началом войны должны наносить удар по герман-

ским силам в Восточной Пруссии с целью связать их, не позволяя немецкому командованию перебросить силы с востока на запад. Но в протоколах совещаний 1912 и 1913 гг., то есть после того, как начальником Генерального штаба Франции стал генерал Жоффр, уже говорилось о необходимости сконцентрировать русские силы так, чтобы иметь возможность развивать не только операции в Восточной Пруссии, но и наступать прямо на запад, в сторону Берлина, если силы Германии будут сконцентрированы на этом направлении [5, с. 712, 716]. На таком варианте настаивал генерал Жоффр и после начала войны.

Российское командование имело свои представления о направлении действий русских войск в случае войны, и они не полностью совпадали с идеями французских генералов. В мае 1912 г. в России был утвержден тот общий план действий в случае начала войны, который и стал впоследствии основным руководством к действию. Стоит поподробнее остановиться на частях плана, относящихся к действиям против Германии [1, с. 27–29; 3, с. 262]. Если говорить точнее, то планов было два. План «А» («Австро-Венгрия») вступал в силу в случае, если Германия направит свои основные силы против Франции, оставив на востоке лишь несколько корпусов для прикрытия границы с Россией. В этом случае главным противником становилась Австро-Венгрия, и против нее направлялось больше войск, а именно 3-я, 4-я и 5-я армии. Против Германии же оставались 1-я и 2-я армии. Если же Германский Генеральный Штаб направил бы основные силы против России, то в силу вступал план «Г» («Германия»), согласно которому на германский фронт кроме 1-й и 2-й направлялась и 4-я армия. Интересно, что задачи армий германского фронта в обоих планах сформулированы практически одинаково. Приведем обе формулировки. Итак, план «А»: «Поражение германских войск, оставленных в Восточной Пруссии и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий» [1, с. 27]. План «Г»: «Поражение германских войск, угрожающих нам со стороны Восточной Пруссии, и овладение последней с целью создания выгодного исходного положения для дальнейших действий» [3, с. 262]. Серьезно изменя-

лись лишь задачи армий австрийского фронта: в первом случае они должны были нанести решающее поражение армиям Австро-Венгрии, а во втором – лишь не допустить их выхода в тыл русских войск, действующих на германском фронте. Как видно, ни в одном плане нет упоминания о возможности наступления в направлении Берлина, можно только предположить, что предусмотренные планами «дальнейшие действия» после занятия «выгодного исходного положения» в Восточной Пруссии и есть возможный удар по Берлину.

Вышеупомянутые планы практически не менялись до начала войны, утвержденное в 1913 г. Мобилизационное расписание № 20 всерьез ничего не изменило, и именно эти планы стали руководством к действию в начале мировой войны. Точнее, российские штабы готовились к исполнению плана «А», всерьез не принимая в расчет возможность отправки на русский фронт основных сил немцев, а значит, собирались основные силы России использовать против Австро-Венгрии.

Итак, русские военачальники, обсуждая планы своих действий с французскими коллегами, соглашались рассматривать вариант наступления на Берлин, но реально не готовились к его воплощению в жизнь. Более того, если французы считали юго-западное направление наступления русских войск второстепенным, то русский Генеральный штаб видел в нем направление главного удара, по крайней мере, одного из двух главных наступлений. Очевидно, здесь стратегические интересы России и Франции не совсем совпадали.

Первая проблема, с которой столкнулись военные командования России и Франции сразу после начала войны, состояла в недостаточной координации действий на Восточном (русском) и Западном (французском) фронтах. С началом немецкого наступления на западе французское правительство и Главная квартира регулярно по всем каналам обращались к России с настоятельными просьбами начать наступление против Германии как можно скорее. Вскоре окончательно развеялись последние сомнения относительно немецких планов, стало абсолютно очевидно, что, как и предполагало российское командование, основные силы Германия бросила против Франции, надеясь вывести ее из войны в кратчайшие сро-

ки. В этих условиях в силу должен был вступить план «А», и поначалу русские штабы и приступили к его выполнению. В соответствии с планом войска Северо-Западного и Юго-Западного фронтов начали ускоренную подготовку к наступлению. Но уже 2 августа начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Янушкевич сообщил главнокомандующему войсками Северо-Западного фронта генералу Жилинскому о возможности впоследствии наступления против Германии на левом берегу Вислы в случае, если количество немецких корпусов на востоке окажется меньшим, чем предполагалось.

Успехи германских войск на западе заставили русское командование ускорить подготовку наступления в Восточной Пруссии. Согласно воспоминаниям посла Франции в России М. Палеолога, вопрос о сроках начала русского наступления против Германии был для него наиболее важным, и он задал его Верховному главнокомандующему русскими армиями великому князю Николаю Николаевичу уже 4 августа [6, с. 54]. По словам М. Палеолога, Николай Николаевич пообещал вскоре начать наступление, предположив, что датой начала может стать 14 августа. Однако в своей телеграмме, отправленной в Париж 5 августа, М. Палеолог сообщил только о стремлении русского командования начать наступление как можно скорее, не дожидаясь окончания концентрации войск [12, р. 85]. Только на следующий день, 6 августа, во французскую главную квартиру поступила секретная телеграмма от французского посла, содержащая дату начала русского наступления [ibid., р. 96]. Полученные сведения принесли большое облегчение генералу Жоффру. Ведь, несмотря на предвоенные обещания русских военачальников, французы, похоже, так и не были уверены в способности России выполнить их. Согласно анализу Генерального штаба Франции, проведенному в июле 1913 г., ожидалось, что на 15-й день после начала мобилизации произойдет лишь первое столкновение русских войск с немецкими, а генеральное наступление начнется лишь на 23-й день [ibid., р. 72].

На тот момент главным объектом удара на русско-германском фронте Ставка все еще считала Восточную Пруссию, но 6 авгу-

ста генерал Янушкевич сообщил генералу Жилинскому о решении начать концентрацию войск на левом берегу Вислы, что первоначальным планом предусмотрено не было. Объяснялось такое решение необходимостью помощи Франции: «Великий князь находит, что нам необходимо готовиться к энергичному натиску при первой возможности, дабы облегчить положение французов, но, конечно, обеспечить себе сначала достаточный численный состав» [1, с. 81]. Интересы союзника вынуждали русскую Ставку отступать от первоначальных планов.

10 августа Ставка сообщила командованию Северо-Западного фронта о своем решении начать в ближайшее время силами этого фронта наступление против Германии и обосновала это именно союзническими обязательствами и необходимостью поддержать Францию. Как известно, в первые недели войны события на западе развивались для Франции крайне неудачно. Довольно скоро стало понятно, что надежды французского командования на молниеносное наступление, которое, как планировалось, должно было нанести решающее поражение германским армиям, провалились. Обстановка на Западном фронте быстро становилась угрожающей. В этих условиях особые надежды французская Главная квартира возлагала на Россию. Уже 10 августа русский военный агент в Париже полковник А.А. Игнатьев передал в Ставку русской армии слова Главнокомандующего французскими армиями генерала Жоффра о том, что положение на французском фронте очень тяжелое и не улучшится, «пока немцы не почувствуют натиска с востока в Пруссии и Познани» [9, л. 19].

Наступление в сторону Познани (по-немецки Позен) русским планом «А» не предусматривалось, но именно для действий в этом направлении на левый берег Вислы, к западу от Варшавы направлялись войска. Наступление в сторону Познани (Позена) означало удар строго на запад, в сторону Берлина. Такие действия действительно могли бы создать серьезнейшую угрозу Германии, поставив под удар ее столицу, на что и надеялись французы. Однако, согласно плану «А», войска 1-й и 2-й армий Северо-Западного фронта готовились к вторжению в Восточную Пруссию, и

Ставке пришлось буквально на ходу перераспределить имеющиеся силы. 7 августа штаб Северо-Западного фронта получил приказ о направлении 1-го армейского корпуса в район Варшавы, куда также направлялись части других армий и некоторые части, прибывающие с Кавказа и из Туркестана [1, с. 81].

В августе 1914 г. все участники войны еще верили в возможность ее быстрого завершения. Практически все стратегические планы предполагали проведение стремительных операций, разгром противника и принуждение его к миру в течение нескольких месяцев. И после провала французского плана войны надежды союзников России на скорую победу связаны были с русским «паровым катком», который должен был двинуться на Берлин. Французы надеялись на вызванное энергичными действиями русских армий ослабление немецкого натиска. 12 августа полковник Игнатьев через русское посольство во Франции передал в ставку очередную сводку сведений о тяжелом положении на французском фронте, добавив от себя весьма характерную мысль: «Вся эта картина дает мне основание предполагать, что французские армии перейти в наступление в ближайшем будущем уже едва ли смогут. Я ожидаю в лучшем случае медленного отступления. На мой взгляд, выясняется, что весь успех войны зависит всецело от наших действий в ближайшие недели и от переброски на наш фронт германских корпусов» [9, л. 63].

Несколько иных взглядов придерживались во французской Главной квартире. Более, чем на переброску немецких войск на восток, французы надеялись на наступление русских войск непосредственно на столицу Германии. Действительно, казалось, что прямой удар русских армий из Польши в сторону Берлина через Познань, учитывая, что, по сведениям французского штаба, на востоке немцы оставили лишь шестую часть своих войск, может иметь решающее значение для хода всей войны. О желательности нанесения русскими войсками удара по направлению Варшава — Познань сказал полковнику Игнатьеву военный министр Франции А. Мессими уже на первой встрече, сразу после совещания французского правительства, на котором оно отвергло ультиматум Германии [4, с. 432]. Игнатьев

немедленно сообщил об этом в Россию. Даже сведения о первоначальных успехах 2-й армии генерала Самсонова в Восточной Пруссии не были восприняты во Франции как реальная помощь, способная облегчить положение на французском фронте. Наоборот, концентрация русских сил на направлении, которое французы считали второстепенным, по их мнению, могла замедлить начало основного наступления. Переписка между французской Главной квартирой и русской Ставкой свидетельствует о том, что даже в начале сентября французы еще надеялись на начало в самое ближайшее время русского наступления на Берлин, рассматривая операции в Восточной Пруссии и Галиции лишь как способ прикрытия флангов наступающих армий [9, л. 45]. Более того, французы были уверены, что русское верховное командование думает так же. Президент Франции Р. Пуанкаре писал 16 августа: «Император, Великий Князь Николай Николаевич, генерал Янушкевич наперебой заявляют, что они с наивозможной быстротой проложат себе дорогу на Берлин, что операции против Австро-Венгерских сил имеют менее важное стратегическое значение и что прежде всего необходимо добиться уничтожения германской армии. Итак, они определенно становятся на точку зрения французского командования» [7, с. 93]. По всей видимости, обе стороны не совсем одинаково понимали, что такое «наивозможная быстрота» и «менее важное стратегическое значение».

Как уже говорилось, русскому командованию пришлось импровизировать, создавая в районе Варшавы новую (9-ю) армию, поскольку ни план «А», ни план «Г» не предусматривали наступление в сторону Познани. Изначально сновные силы, предназначавшиеся для главного наступления, распределялись между Северо-Западным и Юго-Западным фронтами для нанесения ударов, соответственно, в Восточной Пруссии и Галиции, а наступление на Берлин являлось лишь перспективной целью [10, с. 112]. Как уже говорилось, познаньское направление упоминалось как альтернативное лишь во время двух последних предвоенных совещаний начальников Генеральных Штабов России и Франции. Перед войной никаких приготовлений к такому варианту действий не ве-

лось, но французы ожидали удара на Берлин в самое ближайшее время. На это различие в восприятии положения на востоке русский посол в Париже А.П. Извольский обратил внимание уже 25 августа, когда Восточно-Прусская операция еще развивалась вполне успешно. В своей телеграмме в Петроград он сообщил: «Известие о нашей победе при Гумбине и о нашем наступлении вглубь Восточной Пруссии встречено с восторгом и производит ободряющее впечатление, но я опасаясь, что французы будут преувеличивать наши успехи и ожидать от нас *невозможного* (курсив мой. – А. П.) в смысле стремительного и быстрого движения на Берлин. Весьма важно поэтому возможно подробнее осведомить здешнюю публику об истинном характере и трудностях наших военных операций» [8, л. 19].

С сентября 1914 г. и Франции, и России пришлось практически заново формировать стратегические планы ведения войны. События развивались совсем не так, как предполагали военачальники Антанты, и причина была не только в том, что Германия перехватила инициативу и не позволила французам и русским нанести скоординированный удар с двух сторон. Первые же сражения продемонстрировали, что взгляды русских и французских стратегов на роль России в общесоюзной стратегии не совпадали полностью, несмотря на достаточно богатую историю взаимодействия в деле согласования планов. Небольшие, казалось, детали, не до конца согласованные в предвоенное время, вылились в серьезные про-

блемы, мешавшие формированию эффективной системы стратегического взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Восточно-Прусская операция : сб. док. – М. : Воениздат, 1939. – 612 с.
2. Данилов, Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. / Ю. Н. Данилов. – Берлин : Слово, 1924. – 396 с.
3. Зайончковский, А. М. Подготовка России к мировой войне (планы войны). Приложение / А. М. Зайончковский. – М. : Госвоениздат, 1926. – 428 с.
4. Игнатъев, А. А. Пятьдесят лет в строю / А. А. Игнатъев. – М. : Воен. изд-во, 1986. – 751 с.
5. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. – М. : 1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., 1922. – 733 с.
6. Палеолог, М. Дневник посла / М. Палеолог. – М. : Захаров, 2003. – 829 с.
7. Пуанкаре, Р. На службе Франции 1914–1915 : Воспоминания. Мемуары. Т. 1 / Р. Пуанкаре. – М. ; Минск : АСТ : Харвест, 2002. – 590 с.
8. РГАВМФ (Рос. гос. арх. воен.-морского флота). – Ф. 418. – Оп. 1. – Д. 4382.
9. РГВИА (Рос. гос. воен.-истор. арх.). – Ф. 2003. – Оп. 1. – Д. 1122.
10. Ростунов, И. И. Русский фронт первой мировой войны / И. И. Ростунов. – М. : Наука, 1976. – 386 с.
11. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М. : Госполитиздат, 1953. – 463 с.
12. Les armées françaises dans la Grande Guerre. T. 1, vol. 1, Ann. – Paris : Publications du Service historique de l'Armée, 1923. – 1275 p.
13. Memoires du Marechal Joffre (1910–1917). T. 1. – Paris : Plon, 1932. – 316 p.

RUSSIAN-FRENCH JOINT STRATEGIC PLANS AND THEIR IMPLEMENTATION AT THE BEGINNING OF THE FIRST WORLD WAR

A. Yu. Pavlov

At the beginning of the First World War Russia and France made an attempt to implement the joint strategic plan, which was elaborated after signing the bilateral military convention. The author points out that the unforeseen development of the situation resulted in the necessity to reconsider the plan fundamentally.

Key words: war, strategy, Entente, coalition.